

© 2017 г.

Т.В. АНДРЕЕВА, М.Н. РУМЫНСКАЯ

ПАМЯТИ БОРИСА ВАСИЛЬЕВИЧА АНАНЬИЧА

22 марта 2016 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН состоялось мемориальное заседание Ученого совета, посвященное 85-летию со дня рождения академика, доктора исторических наук, профессора Бориса Васильевича Ананьича (1931–2015). Яркий представитель петербургской исторической школы, выдающийся историк, он внес огромный вклад в развитие отечественной историографии и высшего исторического образования России. Крупный исследователь истории международных отношений Нового времени, внутренней политики России XIX – начала XX в., экономической и финансовой истории, Борис Васильевич принадлежал к блестящему поколению сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН (до 1992 г. – Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) СССР АН СССР).

Заседание открылось основным докладом д.и.н. А. Н. Цамутали «Жизненный и творческий путь Бориса Васильевича Ананьича». В докладе на широком фоне бурных исторических событий советской и постсоветской эпох и сложных изменений в историографической ситуации прослежен процесс формирования нравственных качеств и научных взглядов Б. В. Ананьича. Борис Васильевич родился 4 марта 1931 г. в Ленинграде в семье Василия Емельяновича Ананьича – военного моряка, дослужившегося до звания контр-адмирала, и выпускницы Ленинградского государственного педагогического института Анны Никитичны Сорокиной. Именно атмосфера, царившая в семье, привила Борису Васильевичу необыкновенный такт, он всегда был корректен, собран, сосредоточен, внимательно слушал собеседника.

В 1948 г. Б. В. Ананьич поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, служение науке стало главным делом его жизни. В университете оформились его исследовательские приоритеты, он стал специализироваться по экономической и финансовой истории дореволюционной России в тесной связи с ее внутренней и внешней политикой. Огромное значение в его творческой судьбе имело изучение политической биографии, государственной деятельности и сочинений С. Ю. Витте. Выбрав кафедру «Истории международных отношений и внешней политики СССР», возглавляемую профессором Н. П. Полетикой, Борис Васильевич оказался в студенческой группе, занимавшей особое положение на факультете. В нее входили, в том числе Юрий Борисович Соловьев и Аполлон Борисович Давидсон, ставшие впоследствии видными учеными. Николай Павлович Полетика – известный исследователь истории дипломатии, яркий человек – направлял работу этой группы в источниковедческое русло, с самого начала учил подходить к историческому источнику с точки зрения научной критики. Однако время было трудное, в университете шла борьба с «безродным

Андреева Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. (Санкт-Петербург, Россия).

Румынская Марина Николаевна – лаборант Санкт-Петербургского института истории РАН. (Санкт-Петербург, Россия).

космополитизмом» и «буржуазным объективизмом», из-за чего Н. П. Полетика был вынужден покинуть университет. Поэтому на четвертом курсе Б. В. Ананьич вошел в группу, уже образовавшуюся вокруг крупнейшего отечественного историка, представителя старой петербургской школы, ученика А. Е. Преснякова – Бориса Александровича Романова. Молодой студент сумел завоевать доверие Б. А. Романова, который был очень строг с теми, кто собирался заниматься в его семинаре. Под его руководством в 1953 г. Б. В. Ананьич успешно защитил диплом «Роль английского империализма в дипломатической политике раздела Персии в 1899–1907 гг.» и получил рекомендацию в заочную аспирантуру, для обучения в которой был нужен стаж работы.

Поэтому еще с апреля 1953 г., будучи студентом пятого курса, Борис Васильевич работал младшим научным сотрудником в восстанавливаемом Ленинградском музее революции. В музее была интереснейшая библиотека, основу которой составляли материалы бывшей библиотеки Зимнего дворца, в фондах сохранилось много ценных документов. Работая в музее, Б. В. Ананьич, однако, не прерывал связи с Б. А. Романовым, основным местом службы которого было ЛОИИ, упраздненное в апреле 1953 г. Через два года, в ноябре 1955 г., Ленинградское отделение было восстановлено и возобновило свою работу. Благодаря настоятельным хлопотам Б. А. Романова Борис Васильевич в апреле 1956 г. был принят на должность младшего научного сотрудника в ЛОИИ, здесь прошла вся его жизнь.

После восстановления ЛОИИ Б. А. Романов недолго работал в институте, жизнь его оборвалась в июле 1957 г. Но то влияние, которое он оказал на Б. В. Ананьича, имело огромное значение в его творческой судьбе. В последние годы жизни Б. А. Романова Борис Васильевич был очень близок с ним. Под его руководством он собирал и готовил материалы по истории внешних займов России, был включен в подготовку сборника документов «Русские финансы и евро-американский финансовый рынок (1891–1914)», занялся российско-английскими отношениями, прежде всего соперничеством России и Великобритании в Персии. Это стало прекрасной школой. Не удивительно, что вскоре, в июне 1961 г., Б. В. Ананьич с успехом защитил в ЛОИИ кандидатскую диссертацию «Англия и Россия в Персии накануне англо-русского соглашения 1907 г.» Существенно дополненная и измененная в результате изучения новых архивных материалов, она была издана как книга «Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914. (По материалам Учетно-ссудного банка Персии)» (Л., 1975). Но еще в 1970 г. Борис Васильевич блестяще защитил докторскую диссертацию по монографии «Россия и международный капитал, 1897–1914 гг. Очерки истории финансовых отношений» (Л., 1970), которую посвятил памяти учителя. В ней рассмотрена проблема российских финансово-экономических отношений в контексте внутренней и внешней политики самодержавия. В дальнейшем почти все исследования Б. В. Ананьича будут основаны на соединении истории дипломатии и истории финансовых связей России с зарубежными странами.

Как отметил А. Н. Цамутали, в жизни и науке Борис Васильевич был весьма своеобразен, не блистал красноречием, но когда говорил, казалось, что каждое его слово обдуманно, что он продолжает размышлять над тем, как сформулировать точнее те мысли, которые собирался изложить собеседнику. Б. В. Ананьич больше слушал, а сам говорил только тогда, когда у него складывалась уже определенная точка зрения на обсуждаемый предмет. Поэтому и его немногочисленные монографии написаны точно, тщательно, обдуманно.

Борис Васильевич, немало работавший индивидуально, тем не менее сотрудничал с другими учеными. Так сложилось, что он очень много работал вместе с Рафаилом Шоломовичем Ганелиным. Важнейшим направлением их совместных исследований стало изучение государственно-политической деятельности, а также мемуарного и литературного наследия С. Ю. Витте. Их вклад в отечественную историческую науку как публикаторов воспоминаний этого выдающегося государственного деятеля, изданных в 1960 г., неопеним. Началось с того, что директор Института истории АН СССР А. Л. Сидоров, которому принадлежал замысел данного издания, пригласил

их прокомментировать первый том новой публикации воспоминаний С. Ю. Витте. С этого момента тема — «С. Ю. Витте и его время» — в историческом, источниковедческом и историографическом аспектах стала одной из основных в творчестве Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина. Результатом их многолетней совместной работы стали две монографии «С. Ю. Витте — мемуарист» (СПб., 1994) и «Сергей Юльевич Витте и его время» (СПб., 1999), серии статей, публикаций мемуаров и документальных материалов. А. Н. Цамутали отметил, что именно Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин были первыми российскими и советскими учеными, которым удалось увидеть и прочитать подлинные рукописи мемуаров и сочинений С. Ю. Витте, хранившиеся в США. До выхода в свет трехтомной публикации под редакцией А. Л. Сидорова существовало только первое издание воспоминаний, подготовленное И. В. Гессеном (Берлин, 1922) и переизданное М. Н. Покровским (М. — Л., 1923—1924). Тем не менее ходили слухи, что это мистификация, как, например, дневник А. А. Вырубовой, «сотворенный» П. Е. Щеголевым. Когда Б. В. Ананьич получил доступ к подлинникам, то стало ясно, что И. В. Гессен весьма корректно подготовил первую публикацию, сделав купюры там, где необходимо было проявить деликатность. Вслед за Б. В. Ананьичем в Америку поехал Р. Ш. Ганелин. В конце 1990-х годов они вместе, собрав вокруг себя молодых историков (С. К. Лебедева, И. В. Лукоянова, С. В. Куликова) начали работу над академическим изданием воспоминаний и сочинений С. Ю. Витте. Выход в свет двухтомника «Из архива С. Ю. Витте. Т. 1, кн. 1—2. Рассказы и стенограммы; Т. 2. Рукописные заметки» (СПб., 2003), основанного на подлинных мемуарных и стенографических записях, хранящихся в Бахметевском фонде Библиотеки Колумбийского университета, стал большим событием в исторической науке. Позже Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин руководили подготовкой других фундаментальных изданий, связанных с именем С. Ю. Витте: его «Собрание сочинений и документальных материалов» в 5 т. (М., 2002—2006); «На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации» в 2 т. (СПб., 2012—2014).

Установка Б. В. Ананьича на изучение истории экономики в тесной связи с исследованием российской государственности наиболее четко прослеживается в ставших уже классикой обобщающих коллективных трудах «Кризис самодержавия в России, 1895—1917» (Л., 1984) и «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (1-е изд. СПб., 1996; 2-е изд. М., 2006). Борис Васильевич принимал самое активное участие в их создании, являясь не только участником, но и ответственным редактором издания «Власть и реформы...». Причем в первой работе, возглавляемой В. С. Дякимым, была впервые сформулирована концепция кризиса самодержавия, проводящего запоздалые и не отвечающие потребностям времени реформы. В ней Б. В. Ананьичем были написаны главы, посвященные периоду царствования Александра III и началу царствования Николая II, в которых показано, что все попытки самодержавия стабилизировать положение в стране преобразованиями в финансово-экономической сфере не смогли остановить системный кризис российской самодержавной государственности. Затем была предпринята новая коллективная работа «Власть и реформы...», также ставшая большим творческим успехом авторского коллектива. В ней Б. В. Ананьич особенный интерес проявил к министерству финансов, экономическим сферам жизни русского общества и государства, отечественным финансистам. Объектом его изучения стали не только все хитросплетения дипломатической деятельности, финансовых отношений, но и живые люди. С этой работы Борис Васильевич впервые начал глубокую разработку истории банкирского дела в России. Позже он занимался исследованием российских акционерных коммерческих банков и банкирских домов, их влияния на внутреннюю политику. Монография «Банкирские дома в России, 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства» (1-е изд. Л., 1991; 2-е изд., испр. и доп. М., 2006) явилась первым в отечественной историографии исследованием, где воссоздана история частного банкирского предпринимательства, выявлена его роль в экономике пореформенной России. В этой сфере у него появились ученики, сложилась своя концепция дореволюционной России конца XIX — начала XX в., занявшая в историографии особое место.

В этой связи А. Н. Цамутали подчеркнул, что у Б. В. Ананьича всегда были и есть оппоненты. Дело в том, что в современной историографии существует мнение об искажении в советское время многих сторон дореволюционной России, идет немало споров, возникают новые концепции. По отношению к ним Борис Васильевич всегда был сдержан, осторожен в полемике, неохотно и только в крайнем случае писал свои полемические статьи.

Докладчик отметил, что в трудах Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина и их учеников, а также в подготовленных ими публикациях мемуаров государственных деятелей и воспоминаний о них представлены живые образы российских монархов и их окружения. Так, ими были изданы воспоминания и дневники современников о Николае II, отношении публикаторов к которому было весьма критическим. В частности, Б. В. Ананьич считал, что последний российский император недооценивал сановников (как С. Ю. Витте), способствовавших развитию России. Особенный интерес Борис Васильевич проявлял к фигуре И. И. Толстого. Познакомившись с архивом графа, он издал его очень ценные мемуары, написал книгу о нем как городском голове, опубликовал ряд статей о его деятельности на посту министра финансов.

Однако научная деятельность Б. В. Ананьича не ограничивалась дореволюционным периодом истории России. Вместе с В. М. Панеяхом и А. Н. Цамутали он был привлечен к изданию сложного исторического источника — документов и материалов так называемого «академического дела». В редакционную коллегию вошел С. В. Степашин, начальник Управления Агентства федеральной безопасности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а затем возглавивший ФСБ РФ. Благодаря ему были получены материалы этого дела. Причем доступ к документам, хранившимся в Архиве Федеральной службы контрразведки, первым получил Б. В. Ананьич. В итоге были изданы два выпуска, первый — дело С. Ф. Платонова (1993 г.), второй — дело Е. В. Тарле (1998 г.). Недавно вышел девятый выпуск, где собраны обвинительные заключения, приговоры и реабилитационные документы. Б. В. Ананьич, входивший в состав редколлегии, успел ознакомиться с материалами данного тома и сделал ценные замечания. Эта книга — одна из завершающих его деятельность. Последним же фундаментальным трудом, которым руководил Б. В. Ананьич, было трехтомное издание «Первая мировая война и конец Российской империи» (СПб., 2014–2015).

В заключение А. Н. Цамутали подчеркнул, что Борис Васильевич Ананьич был выдающимся ученым, отдавшим себя делу исторической науки, чудесным, прямым, добрым человеком, отличавшимся удивительным обаянием. Большинство людей, с которыми его сводили жизнь и творчество, относилось к нему не просто с симпатией, но и чувством любви.

Последний раз в ЛОИИ Борис Васильевич был на заседании Диссертационного совета 26 июня 2015 г. Позже, как вспоминал А. Н. Цамутали, они несколько раз беседовали по телефону, обменивались впечатлениями о новостях, и каждый раз Борис Васильевич заканчивал разговор словами: «Не забывай меня!». Добрая память о Борисе Васильевиче Ананьиче не только сохранится, но будет продолжением традиции, которую поддерживали и оберегали такие люди, как Б. А. Романов, С. Н. Валк и многие другие ученые — их ученики.

В докладе д.и.н. С. К. Лебедева «Борис Васильевич Ананьич как историк экономики» был дан тщательный анализ научного наследия академика Б. В. Ананьича в сфере изучения экономической и финансовой политики Российской империи в контексте осмысления истории империализма и феномена революции, показано значение его трудов в отечественной и мировой историографии. Докладчик подчеркнул, что ему удалось быть на протяжении многих лет не только учеником Бориса Васильевича, но и тесно сотрудничать с ним в зрелый и наиболее плодотворный период творчества ученого. Мы знаем о годах учебы и становления Б. В. Ананьича по устным рассказам и литературе. Как и у Б. А. Романова, у Бориса Васильевича был замечательный дар восприятия и развития нового. Он часто говорил, что его учитель до самого конца был «школяром, учеником». А благодаря Б. В. Ананьичу его собственные ученики прошли высшую ступень учени-

чества, когда общая работа с учителем, взаимовлияние и обсуждение текущих исследовательских тем друг друга и, таким образом, общее развитие придавали неповторимый характер школе и стимул к росту для каждого. Безусловно, обаяние и энергия Бориса Васильевича притягивали. Он был в курсе мировой литературы и давал ученикам важнейшие темы по истории как экономики, так и политики поздней Российской империи.

По словам С. К. Лебедева, вокруг Б. В. Ананьича всегда было много людей, которые отзывались о нем с уважением, но с немногими из них он имел общее дело. И работу «в команде, в обойме», как он говорил, Борис Васильевич ценил очень высоко. Иногда такие отношения выходили за рамки групповых пристрастий, как его сотрудничество с В. И. Бовыкиным, труды которого Б. В. Ананьич ценил высоко. Докладчик напомнил, что как специалист по экономической истории Б. В. Ананьич испытал воздействие двух школ. К одной он принадлежал и ее развивал — это школа Б. А. Романова, идущая от традиции старой петербургской исторической школы. Для нее характерно стремление выстраивать нарратив на основе максимально полного сбора фактов и критического анализа источников, изучения внешней политики в контексте империализма, исследования в нем экономического фактора в тесной связи с внутренней политикой. Б. В. Ананьич также многие годы сотрудничал с московской школой историков А. Л. Сидорова — В. И. Бовыкина. По словам С. К. Лебедева, с одной стороны, Б. В. Ананьич, как и его московские коллеги, подчеркивал роль государственной власти, а с другой — тщательно и серьезно работал с широким кругом экономических и социальных источников. При этом их критический анализ не подтверждал методологических установок о подчинении государства монополиям или сращивании с ними, о загнивании империализма. Систематические занятия в архивах уводили от теории формаций и концепции государственно-монополистического капитализма.

В историко-экономической сфере Б. В. Ананьич оставил две книги, связанные с темой «Россия и мир». Одна — наиболее важная его монография «Россия и международный капитал, 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений» — посвящена важнейшим проблемам внешнего взаимодействия, финансовых отношений российского правительства с западными денежными рынками в империалистический период до 1914 г. Эта работа принесла Борису Васильевичу мировую известность. Без нее не обходятся исследователи международных финансовых отношений начала XX в. В другой замечательной книге «Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914. (По материалам Учетно-ссудного банка Персии)» Б. В. Ананьич показывает, что было два пути русского империализма на окраинах: либо за счет интернационализации там русского дела, как это случилось в Манчжурии, либо за счет чисто государственного начала, как это делал Учетно-ссудный банк Персии. В этой теме он стал пионером, сейчас над ней продолжают работать исследователи в России и за границей.

С начала 1970-х годов Борис Васильевич стал участвовать в совместных проектах с иностранными коллегами, занимавшимися экономической историей, в особенности международными финансовыми связями. И его вклад в историографию на мировом фоне значителен. В частности он (вместе с В. И. Бовыкиным и А. А. Фурсенко) в 1980-х годах принял участие в одном из международных проектов Рондо Камерона по верификации теории Александра Гершенкрона о влиянии экономической отсталости на экономический рост в разных странах и роли коммерческих банков в финансировании промышленности: «International Banking 1870–1914» (этот коллективный труд вышел в 1991 г.).

Кроме акционерных и Государственного банков (о них у Б. В. Ананьича есть ряд публикаций) история частного банкирского промысла в России также представлена несколькими трудами Бориса Васильевича. Прежде всего это важное обобщающее исследование с одновременно глубоко проработанными фактическими «тоннелями» «Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства». Б. В. Ананьич в этом исследовании задался вопросом: «были ли у нас свои Ротшильды?». Как указал С. К. Лебедев, поскольку архивы банкирских домов были уничтожены, когда их чистили от «лишней» документации в советский период, то историкам и экономи-

стам приходилось опираться на литературу, в которой доминировало представление, что банкирские дома в России возникли поздно, были вытеснены большими акционерными банками, т.е. развивались не так, как в других странах. Б. В. Ананьичу, однако, удалось по разнородным и фрагментарным источникам дать связную картину банкирского промысла и его роли в экономической жизни России XIX – начала XX в. Помимо этого, в монографии представлен ряд жизнеописаний и дан довольно подробный разбор делопроизводства крупнейших русских банкирских учреждений, в которых присутствовал и конфессиональный фактор. Позднее эта тема получила развитие в проекте под руководством Б. В. Ананьича «Кредит и банки в России в начале XX в.: Санкт-Петербург и Москва» (СПб., 2005).

Как подчеркнул докладчик, с конца 1990-х годов, наряду с политическими процессами в XIX – начале XX в., Борис Васильевич стал заниматься проблемами развития России как мультинациональной и многоконфессиональной империи, а также вопросами истории культуры и взаимодействия науки и политики.

Творчество Б. В. Ананьича было разнообразно и принесло плоды в разных сферах. Кроме выдающегося личного вклада в историографию, ему удалось создать свою школу экономической истории и внутренней политики Российской империи, он придал тематический характер авторитетному ежегоднику «Исторические записки», став на рубеже XX – XXI вв. его главным редактором. Борис Васильевич стоял у истоков Российского гуманитарного научного фонда и входил в его совет, а также посвятил большую часть своей жизни и творчества ученого и преподавателя Европейскому университету в Санкт-Петербурге со дня его основания. И, конечно, многие десятилетия был связан с историческим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и Санкт-Петербургским Институтом истории РАН, где прошла вся его научная жизнь.

С сообщением об академическо-научной и преподавательской деятельности Б. В. Ананьича в Ленинградском – Санкт-Петербургском университете выступил д.и.н. М. Ф. Флоринский. Он подчеркнул, что важнейшим методологическим принципом школы Б. В. Ананьича был приоритет источника и факта при создании концептуальных положений.

Вспоминая Бориса Васильевича как выдающегося ученого и замечательного человека, докладчик рассказал, что ему посчастливилось общаться с Борисом Васильевичем еще будучи студентом ЛГУ, потом обучаясь в аспирантуре под его руководством, а затем поддерживать с ним рабочие и человеческие контакты вплоть до его кончины.

М. Ф. Флоринский отметил огромный вклад Б. В. Ананьича в изучение политической истории России конца XIX – начала XX в. Прежде всего это нашло отражение в написанных им главах коллективных трудов «Кризис самодержавия в России, 1895–1917» и «Власть и реформы...». В данных изданиях в центре внимания Бориса Васильевича, помимо экономических и финансовых сюжетов, была политика, связанная с фигурой С. Ю. Витте, обе сферы государственной деятельности которого интересовали ученого. Ведь с именем Витте связано не только развитие российской экономики, промышленности, финансов. Его роль огромна и в политической жизни Российской империи. В силу этого при изучении фигуры С. Ю. Витте в творчестве Б. В. Ананьича сошлись две его ипостаси – историка политического и историка экономики и финансов.

Б. В. Ананьича всегда интересовала история государственных учреждений пореформенной России. Борис Васильевич был ее блестящим знатоком. Однако работ, в которых бы он специально рассматривал эти сюжеты, в сущности нет. Они затрагивались попутно в его монографиях, коллективных трудах и других работах. Главным образом, это были исследования, выполненные его учениками. Поэтому взгляды Б. В. Ананьича на данную проблематику находили отражение в беседах с ними, советах, пожеланиях, которые он высказывал по поводу их работ. Докладчик с сожалением отметил, что эти советы и пожелания в свое время не записывались, что было бы весьма важно для воссоздания в целом его взглядов на такую существенную сторону исторического процесса, как история государственных институтов, имевших важное значение для России. В своих же замечаниях и разговорах Борис Васильевич постоянно подчеркивал, что следует особое

внимание уделять как истории тех или иных государственных учреждений, реформам, касающихся их, так и тому, каким образом отражались в них государственно-правовые концепции, которые в тот период существовали в обществе.

М. Ф. Флоринский затронул и преподавательский аспект ученой деятельности Б. В. Ананьича, подчеркивая его внимательность и отзывчивость как научного руководителя. Своим аспирантам, ученикам он уделял очень много времени, тщательнейшим образом изучал их тексты, внимательно их разбирал, требовал, чтобы они регулярно информировали о ходе своих изысканий. Со временем это входило у них в привычку. Вместе с тем его всегда интересовала бытовая сторона жизни учеников. Борис Васильевич расспрашивал, кто как отдыхает, имеется ли возможность летом отвлечься от всяких трудов. Он постоянно говорил, что работать надо, работать хорошо, много, но следует помнить, что жизнь не замыкается на проблемах третьеиюньской монархии.

Академик А. Б. Давидсон поделился с коллегами воспоминаниями о студенческих годах в Ленинградском университете и его дружбе с Б. В. Ананьичем, который в сложных условиях конца 1940-х годов отличался твердой профессиональной и гражданской позицией. Аполлон Борисович учился с Борисом Васильевичем в университете в одной группе в течение пяти лет. Сближению способствовала атмосфера 1948–1949 гг., 1953 г. Они стали друзьями на всю жизнь. В первые дни сентября 1948 г. новоиспеченные студенты на доске объявлений увидели информацию о заседании Ученого совета исторического факультета с докладом декана профессора В. В. Мавродина на тему «Задачи исторической науки в свете итогов сессии ВАСХНИЛ». Как известно, на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук, руководимой тогда Т. Д. Лысенко, прошедшей в августе того же года, полностью разгромили биологию. Суть доклада В. В. Мавродина сводилась к тому, что и с исторической наукой надо сделать то же самое. Позже друзья поняли, что данные идеи не принадлежали Мавродину. Он, к сожалению, делал то, что ему приказывали. Поэтому студенты продолжали относиться к нему с большим уважением.

Когда же в начале 1949 г. В. В. Мавродина уволили из университета и исключили из партии, на его место пришел Н. А. Корнатовский, который в лектории истфака провел «сходку» всех студентов, уверяя их, что ныне главная задача – борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Далее он говорил о прошедших выборах в Верховный совет РСФСР, о том, что советский народ показал верность блоку коммунистов, что 99 и несколько сотых процентов проголосовали «за», но оставшаяся часть проголосовала «против». Обращаясь к студентам, Н. А. Корнатовский, сказал: «Вы думаете, в этом зале нет людей, которые проголосовали “против”? Мы вас пока не знаем, но мы узнаем». После этих слов декану из зала поступила записка: «Прекратите пороть чепуху». Корнатовский настолько был уверен в себе, что не придавал ей значения. Шли разговоры, о назначении его ректором университета. Но взъярился секретарь партбюро. Волосы у него вокруг лысины встали дыбом, и он закричал: «Кто писал записку?». Зал молчал. Тогда он решил проследить путь записки по рядам, это было несложно. Но наверху, на галерке, сидели вразбивку. «Тогда мы займемся сличением почерков», – заявил взбешенный партийный руководитель. После этих слов один из присутствующих встал и заявил, что в этом нет необходимости, так как записку написал он. Это был Михаил Чигринский, учившийся в одной группе с А. А. Фурсенко. Его, как подсудимого, поставили перед студентами, и начался второй акт позорного зрелища. Один из пятикурсников, которому нужно было получить хорошее распределение, а значит выслужиться, потребовал: «Пусть Чигринского выгонят из зала, пока мы будем решать его судьбу. Я не могу дышать одним воздухом с ним». В дальнейшем этот человек получил неплохую должность в Ленинграде.

Подобные «действия», как подчеркнул А. Б. Давидсон, очень сближали его с Борисом Васильевичем, потому что оценивали они их одинаково. В другой раз всех студентов собрали в том же лектории истфака, а на первом ряду сидели их профессора. Каждый должен был выступить: или каяться, или ругать и критиковать других.

А. Б. Давидсон вспомнил еще одно заседание Ученого совета истфака, когда известный специалист по истории Франции (сверху было спущено указание критиковать

буржуазную историческую науку, но при этом не цитировать, потому что цитирование пропагандировало ее), держа в руках книгу по Латинской Америке одного из советских американистов, возмущался: «Что же это делается? Этот человек постоянно цитирует американских авторов». В доказательство он стал зачитывать цитаты. В зале по мере цитирования начал нарастать хохот, потому что с его стороны это тоже была пропаганда. На этом же собрании академик В. В. Струве вынужден был каяться: «Я как ученый сложился еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Мне надо учиться у своих аспирантов». Насколько это было позорно слышать студентам, настолько было позорно ему это говорить.

А. Б. Давидсон вспомнил, что позже дошло дело до их группы. Сверху спустили указание: наказать двух-трех студентов с факультета в назидание другим. Из их группы выбрали Юру Баранова, ничем не отличавшегося от других. Причину нашли быстро: на занятиях по военному делу он выстукивал джазовые ритмы, а джаз был запрещен. Заседание вел парторг, который задавал провокационные вопросы, вроде такого: «Как ты, Юра, относишься к американской демократии?». Потом всех заставили обсуждать поведение студента Баранова. Тут Борис Васильевич не выдержал и сказал: «Я не понимаю, зачем нас собрали и почему мы должны обсуждать и осуждать этого человека». Сейчас, наверное, нелегко понять, но для подобного выступления в то время нужно было большое мужество, и Борис Васильевич проявил его. Те же качества он проявлял и в дальнейшем.

Закljučая свой рассказ, А. Б. Давидсон отметил, что вспомнил лишь те события, что сближали их: «Если бы у нас было больше людей с таким же мужеством, с таким же умением понимать других людей, с такой же поразительной скромностью, которые были у Бориса Васильевича, если бы в целом таких людей в нашей стране было больше, может быть, жизнь у нас всех была бы другая, лучше».

Д.и.н. В. М. Панеях в своем выступлении дал характеристику школы крупнейшего отечественного историка и источниковеда Б. А. Романова, одним из пяти ближайших учеников которого был Б. В. Ананьич. Сохранившая традиции петербургской исторической школы и получившая признание в мировой науке школа Б. А. Романова (Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Н. Е. Носов, В. М. Панеях, А. А. Фурсенко) при различии проблематики отличалась единым источниковедческим методом научного познания, реализмом, объективностью и аполитичностью. Свои воспоминания В. М. Панеях начал горькими словами сожаления, что выступать на заседании памяти Бориса Васильевича Ананьича очень тяжело, поскольку практически вся его жизнь прошла рядом с ним. Они познакомились в 1948 г. на первом курсе университета. Вначале его учеба на истфаке проходила довольно трудно, так как он не имел соответствующего ему руководителя. Только на четвертом курсе Борис Васильевич прислушался к рекомендациям ряда друзей и пришел к Б. А. Романову просить его стать у него руководителем. Они сложно привыкали друг к другу. Но привыкание прошло быстро, и вскоре Б. А. Романов приблизил Б. В. Ананьича к себе, полюбил и очень ценил его. К сожалению, Б. А. Романов вскоре скончался. Это была большая утрата для всех его учеников. В. М. Панеях подчеркнул, что у Б. А. Романова было пять ближайших учеников, из которых в живых остался он один. Сейчас очень тяжелый период в его жизни, но он счастлив, что пришлось учиться под руководством Б. А. Романова и дружить с Б. В. Ананьичем.

Директор Санкт-Петербургского института истории д.и.н. Н. Н. Смирнов в выступлении отметил не только вклад Б. В. Ананьича в развитие историографического процесса, но и высокий профессионализм ученого, его принципиальность и одновременно доброжелательность, отзывчивость как главную суть его творческой личности. Первая встреча, по воспоминаниям Н. Н. Смирнова, у них состоялась в 1976 г. при сдаче государственного экзамена по истории КПСС, когда Борис Васильевич был председателем Государственной аттестационной комиссии. Вместе с другими сдавал этот экзамен один из любимых учеников Б. В. Ананьича, он долго вел его в университете, а после внимательно следил за его ростом и продвижением. Между тем на экзамене было видно, что тот «плыл». Тогда Борис Васильевич оказался способным сделать то, что, казалось бы,

просто не имел права делать: он дал шпаргалку своему ученику. Позже, как отметил Н. Н. Смирнов, когда они встретились в институте, Б. В. Ананьич сказал ему: «Вы понимаете, я по-другому просто не мог». В этом поступке был весь Борис Васильевич, в нем проявилось его бережное отношение к тем, кого он считал своими учениками.

Докладчик привел еще один пример неординарности и сердечности Бориса Васильевича: защита докторской диссертации В. А. Росова, который ныне является зав. отделом наследия Рерихов Музея Рерихов. Это была странная защита, как странной представляется и вся эпопея с утверждением докторской степени В. А. Росова. Б. В. Ананьич был у него научным консультантом. История до сегодняшнего дня не совсем понятна. Прошло больше двух лет после того, как диссертация вышла из стен Гуманитарного института СПбГУ до утверждения ее ВАК. Два года Борис Васильевич переживал за судьбу этого человека. Н. Н. Смирнов подчеркнул, что в это время Б. В. Ананьич имел возможность оказать давление на своих московских коллег, которые служили в ВАК, продвинуть эту диссертацию, но не позволил себе обратиться за содействием и помощью к кому-то. Он был уверен, что диссертация В. А. Росова хорошая работа, а сам диссертант достоин присвоения ему степени доктора исторических наук.

Б. В. Ананьич с виду казался неприступным, но в действительности был необычайно простым человеком и, нуждаясь в помощи, мог застенчиво обратиться с просьбой. В 1990-е годы, когда начиналась эра компьютеризации, Борис Васильевич купил компьютер любимому внуку, и попросил, как вспоминал Н. Н. Смирнов, о помощи в налаживании нового аппарата. Так впервые он оказался в доме Б. В. Ананьича и обратил внимание на атмосферу внутри семьи, отличавшуюся теплотой взаимоотношений друг с другом.

Особо отметил выступавший отношение Бориса Васильевича к ученикам, ставшее для него примером на долгие годы. Он мог одновременно и поддержать, и, когда это было необходимо, выступить в роли объективного критика. В то же время его волновали как реальные, так и казавшиеся таковыми неудачи своих учеников. Как-то Борис Васильевич привел в институт своего ученика Бориса Витенберга, рассчитывая, что тот приживется, сумеет подготовить диссертацию. Однако, к сожалению, этого не случилось. Б. В. Ананьич долго переживал, и даже в последнее время, незадолго до своей кончины, говорил о Б. Витенберге, прекрасно зная о достигнутых им успехах, сокрушаясь, что «зря Боря не оказался здесь, в нашем коллективе». Он был уверен, что это один из тех его учеников, который мог бы достойно представлять нашу отечественную историческую науку.

Н. Н. Смирнов подчеркнул, что его всегда удивляло и продолжает удивлять отношение Б. В. Ананьича к коллегам: ровное, доброжелательное, какое редко встретишь. Тем не менее Борис Васильевич никогда не позволял себе разговаривать с коллегами тоном, который мог их обидеть — это редкое качество. Он всегда готов был поддержать. Выступавший вспоминал, что, когда заступил на должность директора, наибольшую поддержку и помощь среди коллег оказывал ему Б. В. Ананьич. Причем делал он это очень скромно и незаметно.

Приезжая в Москву, как говорил докладчик, от многих сотрудников Отделения историко-филологических наук РАН он слышит: «Какое было замечательное время, когда ленинградцы-питерцы приезжали вместе и устраивали дискуссию на Отделении». Они часто повторяют: «Не хватает здесь двух человек: Александра Александровича Фурсенко и Бориса Васильевича Ананьича. То, как они вели себя, это образец для подражания».

Сегодня, заметил Н. Н. Смирнов, в присутственные дни в институте ему всегда хочется увидеть Бориса Васильевича, услышать его: «Что нового и как дела?». Вопрос, который он задавал постоянно, потому что это действительно его интересовало. Б. В. Ананьич сильно переживал за то, что происходило с Российской академией наук, с высшим образованием в стране, особенно в последние годы.

Очень жаль, что уже нет возможности передать ему все теплые слова, прозвучавшие на мемориальном заседании.